

Красное и черное

ЧАСТЬ I

Правда, горькая правда.

Дантон

I

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

Put thousands together
Less bad
But the cage less gay.

*Hobbes*¹

Городок Верьер, пожалуй, можно назвать одним из самых живописных городов Франш-Конте. Белые домики с остроконечными красными черепитчатыми крышами тянутся по склону холма, все контуры которого обозначены группами могучих каштанов. Река Ду протекает в нескольких сотнях шагов от городских укреплений, когда-то воздвигнутых испанцами, а теперь представляющих груды развалин.

С северной стороны Верьер защищен высокой горой, одним из отрогов Юры. Вершины Верьера покрываются снегом с первыми октябрьскими холодами. Поток, устремляющийся с гор, пересекает Верьер раньше своего впадения в Ду и приводит в движение множество лесопилен; это очень несложное ремесло, однако доставляет порядочный заработок большинству жителей — скорее крестьян, чем горожан. Впрочем, не лесопильни обогатили этот городок. Своим процветанием город обязан фабрике ситцев, называемых мюлузскими; только при ее посредстве, после падения Наполеона, жители отстроили заново фасады почти всех домов Верьера.

Лишь только вы въезжаете в город, вас оглушает грохот шумной и страшной на вид машины. Двадцать тяжелых молотов опускаются с грохотом, от которого содрогается мостовая, их поднимает колесо, приводимое в движение водою потока. Каждый из этих молотов производит ежедневно несколько тысяч гвоздей. Молоденькие хорошенькие девушки подставляют под

¹ Соберите вместе тысячи людей — оно как будто неплохо. Но в клетке им будет не весело. *Гоббс*.

удары огромных молотов крохотные кусочки железа, моментально превращаемые в гвозди. Это производство, столь грубое на вид, больше всего поражает путешественника, впервые проникшего в горы, отделяющие Францию от Гельвеции. И если при входе в Верьер путешественник полюбопытствует: кому принадлежит эта великолепная фабрика гвоздей, оглушающая людей, идущих по Большой улице, — ему ответят с местным протяжным акцентом: «Э! она принадлежит господину мэру».

Если путешественник замешкается хоть ненадолго на Большой улице Верьера, которая подымается от берега реки до самой вершины холма, можно не сомневаться, что он встретит высокого человека с озабоченным и значительным выражением лица.

При виде его все тотчас приподнимают шляпы. У него седоватые волосы, одет он в серое. Он кавалер многих орденов; у него большой лоб, орлиный нос, вообще черты его достаточно правильны: даже с первого взгляда кажется, что в этом лице достоинство сельского мэра соединено с некоторой привлекательностью, еще свойственной людям в возрасте от сорока восьми до пятидесяти лет. Но вскоре путешествующего парижанина неприятно удивит выражение самодовольства и тщеславия, за которым угадывается ограниченность и тупость. И наконец чувствуешь, что способности этого человека сводятся к умению заставлять выплачивать себе чрезвычайно аккуратно то, что ему должны, самому же платить как можно позже...

Таков мэр Верьера, господин де Реналь. Перейдя улицу важной поступью, он входит в мэрию и исчезает из глаз путника... Но, если тот продолжит свою прогулку, он увидит, поднявшись на сотню шагов, очень красивый дом и, сквозь примыкающую к нему железную решетку, великолепные сады. Выше линию горизонта образуют холмы Бургундии, которые будто специально созданы ради утех глаз. Этот вид заставляет путешественника позабыть об отравленной стяжательством атмосфере, которая начинает его душить.

Ему сообщают, что этот дом принадлежит господину де Реналю. Мэр Верьера обязан этой прекрасной каменной постройкой, отделка которой уже завершается, доходам со своей гвоздильной фабрики. Говорят, что господин де Реналь происходит из древнего испанского рода, будто бы поселившегося в этих краях еще задолго до завоевания их Людовиком XIV.

После 1815 года он стыдится того, что он промышленник: в 1815 году его избрали мэром Верьера. Каменные террасы, под-

держивающие различные части этого великолепного сада, который спускается уступами к реке, также обязаны своим происхождением успехам господина де Реналья в железном производстве.

Не надейтесь встретить во Франции живописные сады, подобные тем, что окружают промышленные города Германии — Лейпциг, Франкфурт, Нюрнберг и прочие. Во Франш-Конте чем больше воздвигают зданий, чем больше обносят свои поместья каменными стенами, тем более приобретают уважение соседей. Сады господина де Реналья, обнесенные оградами, возбуждают восторг, ибо мэр приобрел за огромную цену клочки земли, которые они занимают. Например, лесопильня, странное положение которой на берегу Ду поразило вас при въезде в Верьер и на которой вы заметили имя Сорель гигантскими буквами на доске над крышей, занимала шесть лет тому назад место, где теперь возводят четвертую террасу садов господина де Реналья.

Несмотря на свою гордость, господину мэру пришлось-таки немало обхаживать этого старика Сореля, упрямого и тяжелого мужика; и немало пришлось ему отсчитать звонких червонцев, прежде чем он добился переноса лесопильни в другое место. Что же касается общественного ручья, приводившего в движение лесопильню, то господин де Реналь, пользуясь своими связями в Париже, добился того, что его отвели в новое русло. Это свидетельство расположения он получил после выборов в 1824 году.

Он уступил Сорелю четыре арпана за один, пятьюстами шагами ниже по берегу Ду. И хотя новое расположение было гораздо выгоднее для производства еловых досок, папаша Сорель, как его называют с тех пор, как он разбогател, сумел извлечь из нетерпеливости и мании собственника, обуявшей его соседа, кругленькую сумму в шесть тысяч франков.

Правда, эта сделка критиковалась местными умниками. Однажды, в воскресный день, четыре года тому назад, господин де Реналь, возвращаясь из церкви в костюме мэра, увидел издали старика Сореля в окружении своих троих сыновей, смотревшего на него с усмешкой. Эта усмешка отметила роковой день в душе господина мэра, и с тех пор он думает, что мог бы совершить обмен на более выгодных условиях.

Чтобы добиться общественного уважения в Верьере, самое главное — это не принимать, занимаясь постройками, никаких планов, предлагаемых итальянскими каменщиками, переходящими весной через ущелья Юры по пути в Париж. Подобное нов-

шество снискало бы неосмотрительному строителю вечную репутацию сумасброда, и он навсегда погиб бы в глазах умеренных и благоразумных людей — заправил мнений во Франш-Конте.

В сущности, эти благоразумные люди практикуют здесь самый несносный деспотизм; это скверное слово делает невыносимым пребывание в маленьких городках того, кто жил в большой республике, именуемой Парижем. Тирания мнений — и каких мнений! — так же нелепа во французской провинции, как и в Соединенных Штатах Америки.

II

МЭР

L'importance! Monsieur, n'est-ce-rien? Le respect des sots, l'ébahissement des enfants, l'envie des riches, le mépris du sage.

*Barnave*¹

К счастью для репутации господина де Реналья как лица административного, городу потребовалось сооружение ограды для места общественного гуляния, расположенного вдоль холма в сотне футов над течением Ду. Именно своему удачному положению это место обязано тем, что оно представляет один из самых живописных видов во всей Франции. Но каждую весну дождевые потоки бороздили место гуляния и, прорывая углубления, делали затруднительными прогулки. Это неудобство, ощущаемое всеми, поставило господина де Реналья в счастливую необходимость увечечить свое правление возвышением стены в двадцать футов вышиною и в тридцать—сорок сажен длиною.

Парапет этой стены, ради которой господин де Реналь должен был совершить трижды путешествие в Париж, ибо предпоследний министр внутренних дел заявил себя смертельным врагом верьерского променада, возвышается теперь на четыре фута над уровнем земли. И словно в насмешку над всеми министрами, настоящими и бывшими, теперь его украшают плиты тесаного камня.

Сколько раз, вспоминая о балах недавно покинутого Парижа, облокотившись на эти огромные глыбы великолепного синевато-се-

¹ Престиж! Как, сударь, вы думаете, это пустяки? Почет от дураков, глазееющая в изумлении детвора, зависть богачей, презрение мудреца. *Барнав*.

рого камня, я устремлял взор в долину Ду! Там, на левом берегу, извивались пять-шесть долинок, в глубине которых взгляд различал изгибы ручейков. Падая с уступа на уступ каскадами, они вливаются наконец в реку. Солнце сильно палит в этих горах. Когда лучи его отвесны, мечты путника влечет к себе эта терраса великолепными платанами. Своею чудною синеваатою зеленью и быстрым ростом они обязаны наносной земле, которою господин мэр обложил громадную террасу; ибо, несмотря на оппозицию муниципального совета, он расширил променад более чем на шесть футов (хотя он ультраконсерватор, а я — либерал, но я его за это хвалю), и поэтому, по мнению его и по мнению господина Вально, благоденствующего директора дома призрения Верьера, эта терраса может выдержать сравнение с известною террасою в Сен-Жермен-ан-Ле.

Что касается меня, то я нахожу только один недостаток в этом Бульваре Верности — это официальное название красуется в пятнадцати—двадцати местах на мраморных досках, снискавших еще один лишний орден господину де Реналю, — то, в чем бы я мог упрекнуть Бульвар Верности, — это варварский способ обрезки мощных платанов. Было бы гораздо отрадней видеть их великолепно раскинувшимися на английский манер, однако они, к сожалению, походят своими круглыми и приплюснутыми верхушками на самые обыкновенные овощи. Но воля господина мэра деспотична, и два раза в год все деревья, принадлежащие общине, безжалостно уродуются. Местные либералы утверждают, конечно преувеличивая, что рука официального садовника приобрела еще большую суровость с тех пор, как господин викарий Малон возымел обыкновение завладевать продуктами стрижки.

Этот юный церковнослужитель был прислан из Безансона несколько лет тому назад, для наблюдения за аббатом Шеланом и несколькими окрестными священниками. Старик, отставной хирург итальянской армии, приютившийся в Верьере и бывший, по словам господина мэра, и якобинцем, и бонапартистом, осмелился однажды пожаловаться ему на постоянное уродование прекрасных деревьев.

— Я люблю тень, — ответил господин де Реналь с тем оттенком высокомерия, который допустим в разговоре с отставным хирургом, кавалером ордена Почетного легиона, — я люблю тень и велю подстригать мои деревья, чтобы получалась тень; я не понимаю, для чего еще пригодно дерево, если только оно не приносит дохода, подобно полезному орешнику.

Вот великие слова, имеющие решающее значение в Верьере, — приносить доход; в этих словах воплощен образ мыслей огромного большинства всех его обитателей.

Приносить доход — вот довод, решающий все в этом маленьком городе, показавшемся вам таким красивым. Чужестранец, прибывающий сюда, плененный красотой окружающих Верьер прохладных зеленеющих долин, воображает вначале, что его обитатели восприимчивы к прекрасному; они очень часто говорят о красоте своего края, нельзя отрицать, что они придают этому большое значение; но лишь потому, что эта красота привлекает иностранцев, деньги которых обогащают трактирщиков, а вследствие этого приносят доход городу.

В один прекрасный осенний день господин де Реналь прогуливался по Бульвару Верности под руку со своей женой. Слушая своего мужа, ораторствовавшего с важным видом, госпожа де Реналь беспокойно следила взглядом за движениями трех мальчуганов. Старший, которому было на вид лет одиннадцать, то и дело приближался к паранету и, казалось, собирался на него вскарабкаться. Но тотчас кроткий голос произносил имя Адольфа, и ребенок отказывался от своего смелого намерения. Госпоже де Реналь на вид было лет тридцать, она была еще красива.

— Ему придется весьма раскаяться, этому парижскому господину, — говорил господин де Реналь с оскорбленным видом и с побледневшим более обычного лицом. — У меня ведь еще есть влиятельные друзья в Париже...

Но, хотя я намереваюсь беседовать с вами о провинции на двухстах страницах, я не буду настолько варваром, чтобы заставить вас выслушать скучнейший и меркантильнейший провинциальный диалог.

Этот «парижский господин», столь ненавистный верьерскому мэру, был не кто иной, как господин Аппер, который два дня тому назад каким-то образом проник не только в тюрьму и в городской дом призрения, но и в больницу, безвозмездно управляемую мэром и главнейшими местными собственниками.

— Но, — заметила робко госпожа де Реналь, — какой вред может причинить вам этот парижский господин, коль скоро вы управляете имуществом бедных с такой цепетильной добросовестностью?

— Он явился затем только, чтобы навести критику и потом пропечатать все это в либеральных газетишках.

— Вы же их никогда не читаете, мой друг.

— Но ведь мы слышим об этих якобинских статьях; все это нас отвлекает и мешает нам делать добро¹. Что касается меня — я никогда этого не прощу священнику.

III

ПОПЕЧЕНИЕ О БЕДНЫХ

Un curé vertueux et sans intrigue est une Providence pour le village.

*Fleury*²

Следует сообщить читателю, что священник Верьера, восьмидесятилетний старик, обладавший, благодаря живительному горному воздуху, железным здоровьем и железным характером, имел право посещать во всякое время тюрьму, больницу и даже дом призрения. Так вот, ровно в шесть часов утра господин Аппер, с рекомендательным письмом к священнику, прибыл из Парижа в этот маленький любопытный город. И тотчас направился к дому священника.

Во время чтения письма, написанного ему маркизом де Ла Молем, пэром Франции, самым богатым местным землевладельцем, священник Шелан пребывал в задумчивости.

— Я стар, и здесь меня любят, — сказал он наконец вполголоса, — они не осмелятся... — и устремил на приезжего из Парижа взгляд, в котором, несмотря на преклонный возраст, горел тот священный огонь, который возвещает об удовольствии совершить хороший, хотя и слегка опасный поступок.

— Отправимся вместе, сударь, но прошу вас, в присутствии тюремщика и в особенности зрителей дома призрения не выражайте вашего мнения относительно вещей, которые мы увидим.

Господин Аппер понял, что он имеет дело с благородным человеком; он последовал за почтенным священником, посетил тюрьму, больницу, дом призрения, задавал множество вопросов и, несмотря на странность ответов, не позволил себе выразить ни малейшего осуждения.

Осмотр длился несколько часов. Священник пригласил господина Аппера пообедать, но тот отказался под предлогом писания

¹ Историческое выражение.

² Добродетельный кюре, чуждый всяких происков, поистине благодать божья для деревни. *Флери*.

писем: он более не желал компрометировать своего великодушно-го спутника. Около трех часов пополудни эти господа отправились довершать осмотр дома призрения и затем снова возвратились к тюрьме. Там они встретили у дверей тюремщика, огромного человека ростом в шесть футов, с кривыми ногами; его гнусная физиономия от страха сделалась крайне отвратительной.

— Ах! сударь, — сказал он священнику, лишь только увидел его, — господин, который с вами, и есть господин Аппер?

— Ну так что ж? — сказал священник.

— А то, что со вчерашнего дня я имею самый точный приказ, присланный господином префектом с жандармом, скакавшим всю ночь, не допускать господина Аппера в тюрьму.

— Объявляю вам, господин Нуару, — сказал священник, — что путешественник, сопровождающий меня, — господин Аппер. Признаете ли вы, что я имею право посещать тюрьму во всякое время дня и ночи и приводить с собой кого я хочу?

— Да, господин священник, — ответил тюремщик тихо, опустив голову подобно бульдогу, который смиряется под угрозой палки. — Но, господин священник, у меня жена и дети, если узнают, что я его пустил, — меня уволят; а я только и живу на жалованье.

— Я тоже не хотел бы лишиться своего прихода, — возразил добрый священник взволнованным голосом.

— Вот уж сравнили! — возразил тюремщик с живостью. — Известно, господин священник, что у вас восемьсот ливров ренты.

Таковы были события, которые, комментируясь и искажаясь на множество ладов, волновали уже два дня обитателей Верьера. Теперь они послужили предметом беседы господина де Реналья с его женой. Утром в сопровождении господина Вально, директора дома призрения, господин де Реналь отправился к священнику, чтобы выразить ему свое живейшее неудовольствие. Господин Шелан покровителей не имел, и он хорошо почувствовал намек.

— Ну что ж, господа, я буду третьим восьмидесятилетним священником, которого сместят в этой округе. Я служу здесь пятьдесят шесть лет; я крестил почти всех жителей города, который был лишь поселком, когда я сюда приехал. Ежедневно я венчаю молодых людей, а когда-то венчал их дедов. Верьер — моя семья; но даже из страха потерять ее я не пойду на сделку с совестью и не изменю своему духовному наставнику; я сказал себе, увидав приезжего: «Этот человек из Парижа, быть может, и вправду либерал, но какой вред может он причинить нашим беднякам и нашим заключенным?»

Упреки господина де Реналья и в особенности господина Вально, директора дома призрения, становились все ожесточеннее.

— Ну что ж, господа, велите меня сместить, — воскликнул престарелый священник дрожащим голосом. — Я все равно останусь здесь жить. Сорок восемь лет тому назад мне досталась по наследству земля, приносящая восемьсот ливров, — я буду жить этим доходом. Я не имею побочных доходов на этом месте, господа, и, должно быть, потому я не пугаюсь, когда мне угрожают его потерю.

Господин де Реналь жил дружно со своей женой; но не найдя что ответить на робко повторяемый ему вопрос: «Какой вред этот парижский господин может причинить заключенным?» — он готов был окончательно рассердиться, как услышал ее крик. Второй из ее сыновей вскарабкался на парапет и побежал по нему, хотя стена террасы возвышалась более чем на двадцать футов над виноградником, находящимся по другую сторону. Боязнь, что сын испугается и упадет, мешала госпоже де Реналь позвать его. Наконец ребенок, радовавшийся своей удали, взглянул на мать и, увидев ее побледневшее лицо, спрыгнул с парапета и побежал к ней. Его разбрали.

Это маленькое происшествие изменило ход беседы.

— Решительно я хочу взять к себе Сореля, сына лесопильщика, — сказал господин де Реналь. — Он будет присматривать за детьми, которые становятся не в меру резвыми. Это молодой священник, а потому и хороший латинист, он заставит детей учиться; священник говорит, что у него твердый характер. Я дам ему триста франков и содержание. Я несколько сомневался насчет его нравственности, ибо он был любимцем этого старого лекаря, кавалера Почетного легиона, который, считая себя кузеном Сореля, поселился на хлебником у него в доме. Разумеется, этот человек мог быть тайным агентом либералов; он говорил, что горный воздух полезен для его астмы; но это, однако, не доказано. Он сопровождал Буонапарте во всех его походах в Италии и даже, говорят, подавал голос против империи когда-то. Этот либерал обучал латыни сына Сореля и оставил ему множество книг, которые привез с собою. Конечно, я никогда не мечтал пригласить сына плотника к нашим детям; но священник как раз накануне события, рассорившего нас навсегда, говорил мне, что этот Сорель изучает уже три года теологию, имея в виду поступить в семинарию; значит, он не либерал, и, кроме того, знает латынь.

Это устраивает нас как нельзя лучше, — продолжал господин де Реналь, поглядывая на жену с видом дипломата. — Вально очень гордится своими двумя нормандскими кобылами, которых он купил для коляски. Но у него нет воспитателя для детей.

— Но он может перехватить у нас его.

— Так ты одобряешь мое намерение, — сказал господин де Реналь, награждая свою жену улыбкой за прекрасную идею, пришедшую ей в голову. — Ну, значит, решено.

— Ах, господи, милый друг, как ты торопишься с решениями.

— Это потому, что у меня есть характер, и священник в этом убедился. Не будем скрывать от себя — мы здесь окружены либералами. Все эти торгаши мне завидуют, я не сомневаюсь; некоторые из них уже разбогатели; так пускай они посмотрят, как дети господина де Реналья идут на прогулку в сопровождении воспитателя. Это внушит им почтение. Мой дед часто рассказывал нам, что в молодости у него был воспитатель. Он обойдется мне в сотню экю, но на это надо смотреть как на необходимый расход для поддержания нашего положения.

Это внезапно принятое решение заставило госпожу де Реналь задуматься. Она была высокая, хорошо сложенная женщина, «краса нашего края», — как говорят здесь. Ее отличали простосердечный вид, моложавая походка, и в глазах парижанина эта наивная грация, полная невинности и живости, таила бы, пожалуй, сладострастие... Но получи она такую репутацию, госпожа де Реналь была бы этим весьма сконфужена. И кокетство, и притворство равно были ей чужды. Господин Вально, богатый директор дома призрения, считался ее безуспешным воздыхателем, что высоко вознесло ее добродетель в глазах жителей города, ибо господин Вально, высокий мужчина, статный, с румяным лицом и густыми черными бакенбардами, представлял собой одно из тех наглых и шумливых существ, которых в провинции называют красавцами-мужчинами.

Госпожу де Реналь, особу застенчивую и, по-видимому, характера очень неровного, особенно раздражали постоянная подвижность и громовой голос господина Вально. Отвращение, которое она питала к тому, что в Верьере называется весельем, снижало ей репутацию гордячки, кичащейся своим происхождением. Об этом она, впрочем, мало думала, но была очень довольна тем, что обитатели города стали меньше ее посещать. Не будем скрывать, что она слыла дурочкою в глазах местных дам, ибо не лукавила в отношении своего мужа и не пользовалась случаем получить вос-

хитительную шляпку из Парижа или Безансона. Она ничего не просила, лишь бы ей не мешали бродить по ее прекрасному саду.

Это была наивная душа, не помышлявшая никогда осуждать мужа или сознаться себе самой, что ей с ним скучно. Она полагала, хотя и не слишком об этом задумываясь, что между мужем и женою не может существовать лучших отношений. В особенности она любила слушать, как господин де Реналь строил проекты будущего их детей, одного из которых он предназначал к военной карьере, другого — к юридической, а третьего — к духовной. Вообще, она находила господина де Реналья гораздо менее скучным, чем всех прочих знакомых мужчин.

Мнение супруги имело основание. Мэр Верьера обязан был своею репутацией остряка и в особенности светского человека полудюжине анекдотов, унаследованных им от дяди. Старый капитан де Реналь служил до революции в отряде инфантерии герцога Орлеанского и был принят в Париже в доме наследного принца. Там он увидал госпожу де Монтессон, знаменитую госпожу де Жанлис, господина Дюкре, изобретателя из Пале-Рояля. Все эти личности весьма часто фигурировали в анекдотах господина де Реналья. Но с годами рассказывать столь деликатные вещи становилось ему все затруднительней, и с некоторых пор он стал вспоминать только в самых исключительных случаях анекдоты из жизни дома герцога Орлеанского. К тому же он был всегда весьма учтив, за исключением тех случаев, когда речь шла о деньгах, и потому не без основания считался самым большим аристократом в Верьере.

IV

ОТЕЦ И СЫН

*E sarà mia culpa,
Le così?..*

Machiavelli¹

— У моей жены отличная голова! — говорил на следующий день в шесть часов утра верьерский мэр, направляясь к лесопильне папаши Сореля. — Хотя я сам завел этот разговор для поддержания авторитета, однако не подумал, что, если я не возьму этого аббатика Сореля, который, говорят, знает латынь, как ангел, ди-

¹ И моя ли это вина, если это действительно так? *Макиавелли.*

ректор дома призрения, с его беспокойными характером, может также возыметь эту идею и перехватить его у меня. С каким самодовольством он стал бы говорить о наставнике своих детей!.. Но не вздумает ли этот наставник, поступив ко мне, носить сутану?

Господин де Реналь погрузился в эти размышления, когда увидел издали крестьянина, почти шести футов ростом, который с раннего утра был поглощен измерением бревен, сложенных вдоль Ду, по дороге к базару. Крестьянин не обрадовался, увидав приближающегося господина мэра, ибо эти бревна заграждали дорогу и сложены были там, где не полагалось.

Папаша Сорель, ибо это был он, очень удивился и еще более обрадовался странному предложению, которое господин де Реналь сделал ему относительно его сына Жюльена. Тем не менее он выслушал его с печальным и равнодушным видом, которым так искусно маскируют свою хитрость обитатели этих гор. Рабы времен испанского владычества, они сохранили до сих пор эту черту египетского феллаха.

Ответ Сореля заключался прежде всего в долгом перечислении всех формул почтения, которые он знал наизусть. И в то время, как он повторял эти пустые слова с неловкой улыбкой, подчеркивавшей фальшивое, почти мошенническое выражение его лица, деятельный ум старого крестьянина старался угадать, какие причины могут заставить такого влиятельного человека брать к себе его негодного сына. Он был очень недоволен Жюльеном, а за него-то господин де Реналь и предлагал ему неожиданную сумму в триста франков ежегодно, с содержанием и даже с одеждою. Последнее условие, которое отец Сорель выдвинул в первую очередь, было, однако, принято господином де Реналем.

Это требование озадачило мэра. «Если Сорель не восхищен его предложением свыше меры, как должен, то ясно как божий день, — сказал он себе, — что ему сделано подобное предложение со стороны; и откуда же оно могло исходить, как не от Вально?» Напрасно господин де Реналь хотел заставить Сореля немедленно покончить с делом: хитрый старик упрямо воспротивился; он хотел, по его словам, посоветоваться с сыном, точно в провинции богатый отец когда-нибудь советуется — если только не ради проформы — с сыном, у которого ничего нет.

Водяная лесопилка помещается в сарае на берегу ручья. Крыша лежит на стропилах, опирающихся на четыре толстых деревянных столба. В восьми или десяти футах над полом, посреди

сарая, поднимается и опускается пила, а весьма простой механизм подталкивает к ней бревна. Ручей приводит в движение колесо, оно и управляет этим двойным механизмом, — тем, что поднимает и опускает пилу, и тем, что легонько подталкивает бревно к пиле, распиливающей его на доски.

Подойдя к своей мастерской, папаша Сорель начал громко звать Жюльена, но никто не отвечал. Он увидел только старших своих сыновей, похожих на великанов; вооруженные тяжелыми топорами, они обтесывали еловые стволы, прежде чем отнести их к пиле. Стараясь попасть точно на черную отметку, сделанную на деревьях, они обрубали взмахами топора огромные щепы. Голоса отца они не слышали. Последний направился к сараю, но, войдя туда, он не увидел Жюльена на должном месте возле пилы. Тот сидел на одной из балок кровли, выше пятью-шестью футами. Вместо того чтобы внимательно следить за механизмом, Жюльен читал. Ничего не могло быть более ненавистного для старика Сореля; он еще, пожалуй, простил бы Жюльену его щуплое сложение, мало подходящее к физическому труду и так отличавшее его от старших братьев, но эта мания чтения была ему отвратительна: сам он не знал грамоты.

Тщетно окликнул он Жюльена два или три раза. Внимание, с которым молодой человек предавался чтению, более, чем шум пилы, мешало ему услышать грозный голос отца. Наконец, не смотря на свой возраст, старик проворно вскочил на бревно, лежащее под пилою, и оттуда — на поперечную балку, подпиравшую крышу. От сильного удара книга, которую держал Жюльен, полетела в ручей; от второго, не менее сильного удара в голову он потерял равновесие. Он упал бы на двенадцать или пятнадцать футов вниз на рычаги машины, которые исковеркали бы его, если бы отец при падении не удержал его левой рукою.

— Ну что ж, лентяй! Так и будешь читать свои проклятые книги вместо того, чтобы наблюдать за пилою? Читай их на доброе здоровье вечером, когда теряешь время у юре.

Жюльен, оглушенный затрепачной и окровавленный, направился к своему служебному посту возле пилы. Слезы выступили у него на глазах — не столько от физической боли, сколько от огорчения из-за потери книги, которую он обожал.

— Спускайся, скотина, я с тобой поговорю.

Шум машины снова помешал Жюльену услышать этот приказ. Его отец уже спустился вниз, не желая утруждать себя новым подъемом, схватил длинную жердь, служившую для сбивания оре-

хов, и ударил его сына по плечу. Лишь только Жюльен спустился на землю, как старик Сорель, грубо подгоняя его, толкнул по направлению к дому. «Бог знает, что он со мной сделает!» — сказал себе молодой человек. Проходя мимо, он с грустью поглядел на ручей, куда упала его книга; это была его любимая книга — «Мемориал Святой Елены».

Щеки его пылали, глаза были опущены. Это был юноша невысокого роста, лет восемнадцати-девятнадцати, на вид слабый; черты лица его были неправильны, но тонки; нос с горбинкою. Большие черные глаза, в спокойные минуты выражавшие вдумчивость и страстность, в этот момент пылали самой яростной ненавистью. Темно-каштановые волосы, росшие очень низко, суживали его лоб, что в минуты гнева придавало ему злое выражение. Среди бесчисленных разновидностей человеческих лиц, быть может, нет ни одного, которое бы отличалось такой разительной особенностью. Тонкая и стройная фигура его обнаруживала скорее легкомыслие, чем энергию. С детства его чрезвычайно задумчивый вид и сильная бледность внушили его отцу мысль, что он не жилец, а если и будет жить, то в тягость семье. Предмет насмешек всего дома, он ненавидел братьев и отца; по воскресеньям во время игр на площади его постоянно поколачивали.

Уже с год его смазливое лицо начинало привлекать молодых девушек... Презираемый всем светом как слабое существо, Жюльен обожал того старика-хирурга, который однажды осмелился сделать мэру замечание по поводу платанов.

Этот хирург иногда оплачивал папаше Сорелю рабочий день Жюльена и учил его латыни и истории, то есть тому, что знал сам — истории итальянского похода 1796 года. Умирая, он завещал ему свой крест Почетного легиона, остатки пенсии, тридцать—сорок томов книг, самая драгоценная из которых только что полетела в общественный ручей, подведенный к лесопилке благодаря влиянию господина мэра.

Едва войдя в дом, Жюльен почувствовал на своем плече мощную руку отца; он задрожал в ожидании новых побоев.

— Отвечай мне правду, — услышал он над ухом грубый голос старого крестьянина, между тем как рука повернула его, подобно тому как детская рука поворачивает оловянного солдатика. Большие черные глаза Жюльена, полные слез, очутились против маленьких серых глаз старого плотника, которые словно старались заглянуть ему в душу.

V

ПЕРЕГОВОРЫ

Cunctando restituit rem.

Ennius¹

— Отвечай мне, если можешь, без лжи, собачий чтец, откуда ты знаешь госпожу де Реналь? Когда ты с ней говорил?

— Я с нею никогда не говорил, — ответил Жюльен, — я только видел эту даму в церкви.

— Но ты на нее глядел, бесстыдник?

— Никогда! Вы знаете, что в церкви я не вижу никого, кроме Бога, — лицемерно прибавил Жюльен, надеясь, что так он избежит тумак.

— Но здесь что-нибудь да есть, — возразил хитрый крестьянин и на мгновение смолк. — Но от тебя ничего не добьешься, проклятый притворщик. Дело в том, что я скоро избавлюсь от тебя, и мое дело от этого только выиграет. Ты просил священника или кого другого, но он достал тебе отличное место. Собери свои пожитки, и я тебя отведу к господину де Реналю, где ты будешь наставником детей.

— Что я буду получать за это?

— Содержание, одежду и триста франков жалованья.

— Не хочу быть лакеем.

— Скотина, кто тебе говорит про лакея. Разве я захотел бы, чтобы мой сын был лакеем?

— А с кем я буду садиться за стол?

Этот вопрос смутил старика Сореля, он почувствовал, что может сказать чего не следует, разозлился на Жюльена, осыпал его бранью, обвиняя в чревоугодии, и пошел посоветоваться с другими сыновьями.

Жюльен вскоре увидел, как они совещаются, опираясь на свои топоры. Он долго смотрел на них, но, поскольку не мог догадаться о предмете разговора, пошел и спрятался за лесопилкой, чтобы его не могли найти. Ему хотелось подумать об этом неожиданном предложении, меняющем его судьбу, но чувствовал, что неспособен на благоразумие, и стал мечтать о том, что увидит в прекрасном доме господина де Реналья.

¹ Медлительностью спас положение. *Этний*.

«Лучше отказаться от всего этого, — сказал он себе, — чем позволить сажать себя за стол с прислугой. Отец захочет меня к этому принудить, нет, лучше умереть. Я скопил пятнадцать франков и восемь су и убегу сегодня ночью; через два дня окольными дорогами, где нечего опасаться жандармов, я дойду до Безансона; там поступлю в солдаты, а если понадобится, переберусь в Швейцарию. Но тогда прощай карьера, прощай прекрасное звание священника, открывающее дорогу ко всему».

Этот страх оказаться за одним столом с прислугой не был свойствен Жюльену; чтобы добиться положения, он пошел бы на испытания гораздо более тяжелые. Он почерпнул это отвращение в «Исповеди» Руссо. Это была единственная книга, по которой он представлял себе свет. «Журнал великой армии» и «Мемориал Святой Елены» дополняли его коран. Он готов был умереть за эти три сочинения. Никогда он не верил ничему другому. Храня заветы своего старого лекаря, он смотрел на все остальные книги как на лживые, написанные плутами с меркантильными целями.

Обладая пламенной душой, Жюльен отличался также удивительной памятью, так часто сопровождающей глупость. Чтобы расположить к себе старого священника Шелана, от которого, как он видел, зависело его будущее, он выучил наизусть поллатыни Новый Завет; он знал также книгу о Папе де Местра, но не верил ни той ни другой.

Словно по взаимному согласию, Сорель и его сын избегали в этот день разговора. Вечером Жюльен отправился к священнику на урок теологии, но не счел нужным говорить ему о странном предложении, сделанном его отцу. «Быть может, это какая-нибудь ловушка, — говорил он себе — нужно сделать вид, что я об этом позабыл».

На другой день, рано утром, господин де Реналь велел позвать старика Сореля, который, заставив себя прождать час или два, наконец явился, начав еще у дверей извиняться и раскланиваться. После долгих расспросов Сорель понял, что его сын будет обедать вместе с хозяевами дома, а в те дни, когда будут гости, — в отдельной комнате с детьми. Становясь все требовательнее по мере того, как он замечал, насколько господин мэр заинтересован в его сыне, но все еще удивленный и полный сомнений, Сорель пожелал видеть комнату, где поместят его сына. Это была большая комната, прилично обставленная, в которую уже переносили кровати троих мальчиков.

Это обстоятельство кое-что прояснило для старого крестьянина; он тотчас настойчиво попросил показать ему одежду, которую дадут его сыну. Господин де Реналь открыл конторку и вынул оттуда сто франков.

— Пусть ваш сын отправится с этими деньгами к суконщику господину Дюрану и закажет себе костюм.

— А если бы я взял его от вас, — сказал крестьянин, вдруг словно позабывший свой почтительный тон, — у него останется эта черная пара?

— Конечно.

— Ладно! — сказал Сорель, растягивая слова. — Теперь нам остается условиться только насчет денег, которые вы ему будете платить.

— Как! — воскликнул господин де Реналь в негодовании. — Мы ведь вчера условились: я даю триста франков; полагаю, что этого достаточно, если не слишком много.

— Вы это предложили, я этого не отрицаю, — сказал старик Сорель, еще более растягивая слова; и в порыве вдохновения, способного удивить только тех, кто не знает крестьян Франш-Конте, прибавил, глядя в упор на господина де Реналья: — Мы найдем и получше, в другом месте.

При этих словах лицо мэра исказилось. Впрочем, он быстро овладел собою и после искусного разговора в течение целых двух часов, где ни слова не было сказано зря, хитрость крестьянина восторжествовала над хитростью богача, который не нуждался в ней, чтобы жить. Все многочисленные пункты, определявшие новое существование Жюльена, были установлены с точностью; и не только его жалованье было определено в четыреста франков, но оно должно было уплачиваться вперед, первого числа каждого месяца.

— Итак, я ему выдам тридцать пять франков, — сказал господин де Реналь.

— Для круглого счета такой богатый и щедрый господин, как наш мэр, — сказал крестьянин льстиво, — не пожалеет тридцати шести франков.

— Хорошо, — сказал господин де Реналь. — Но на этом покончим.

Он был возмущен и вследствие этого принял твердый тон. Крестьянин увидал, что следует прекратить выпрашивание. Но тут господин де Реналь перешел в наступление. Он ни за что не

согласился выдать деньги за первый месяц старику Сорелю, шпешившему их получить за сына. Господин де Реналь подумал, что ему придется рассказать жене о роли, которую он играл во всех этих переговорах.

— Отдайте мне сто франков, которые я вам дал, — сказал он с досадою. — Господин Дюран мне кое-что должен. Я сам пойду с вашим сыном выбирать черное сукно.

После этого резкого выпада Сорель благоразумно вернулся к своему почтительному тону; и это заняло у него еще добрую четверть часа. Наконец, видя, что он окончательно ничего больше не добьется, он удалился. Его последний поклон сопровождался словами:

— Я тотчас пошлю сына в замок.

Так подчиненные господина мэра называли его дом, когда хотели ему угодить.

Вернувшись на лесопилку, Сорель напрасно искал своего сына. Опасаясь того, что может произойти, Жюльен ушел посреди ночи. Ему хотелось оставить в надежном месте свои книги и крест Почетного легиона. Он снес все это к молодому лесоторговцу, своему другу Фуке, жившему на вершине горы над Верьером.

Когда он появился, отец сказал ему:

— Ах, проклятый ленивец, хватит ли у тебя совести перед Богом, чтобы заплатить мне за все, что я тратил на твое содержание столько лет! Бери свои лохмотья и убирайся к господину мэру.

Жюльен, удивленный, что его не поколотили, поспешил отправиться. Но, едва скрывшись из глаз своего грозного отца, он замедлил шаг. Он рассудил, что было бы неплохо зайти в церковь и подкрепиться в своем ханжестве.

Слово «ханжество» вас удивляет? Прежде чем дойти до этого, душа юного крестьянина должна была много претерпеть.

С раннего детства, когда он увидел драгунов шестого полка¹, в длинных белых плащах и касках с черными султанами, — они, возвращаясь из Италии, останавливались в Верьере и привязывали лошадей к решетке окна его отца, — с тех самых пор он стал восторженным поклонником военной службы. Позже он с увлечением слушал рассказы отставного лекаря о сражениях на мосту Лоди, в Арколе, в Риволи. Он подмечал пламенные взгляды, которые старец бросал на свой крест.

¹ Автор был подпоручиком шестого драгунского полка в 1800 году.

Но когда Жюльену было четырнадцать лет, в Верьере начали строить церковь, которую можно было назвать великолепной для столь маленького города. В особенности поразили Жюльена там четыре мраморные колонны; они прославились во всей округе из-за смертельной ненависти, возбужденной ими между мировым судьей и молодым викарием, присланным из Безансона и слывшим за соглядатая конгрегации. Мировой судья чуть не лишился из-за этого своего места, — по крайней мере, все так думали. Как он посмел вступить в разногласия со священником, который каждые две недели ездил в Безансон, где, как говорят, он имел дело с самим монсеньором епископом?

Тем временем мировой судья, отец многочисленного семейства, вынес несколько приговоров, показавшихся несправедливыми: все они были направлены против читающих «*Constitutionnel*». Правовверные торжествовали. Правда, что потерпевшим приходилось уплатить не более трех или пяти франков; но один из этих штрафов пришелся на долю гвоздаря, крестного отца Жюльена. Разгневавшись, он воскликнул: «Какая перемена! И сказать, что двадцать лет тому назад мировой судья считался честным человеком!» Отставной лекарь, друг Жюльена, был тогда уже в могиле.

Тогда вдруг Жюльен перестал говорить о Наполеоне; он объявил о своем намерении стать священником, и его постоянно можно было видеть на лесопилке его отца, занятого заучиванием наизусть латинской Библии, одолженной ему священником. Добрый старик, изумленный его успехами, по целым вечерам занимался с ним, толкуя ему теологию. Жюльен выказывал перед ним лишь самые благочестивые чувства. И кто бы мог угадать, что это женственное лицо, такое кроткое и бледное, скрывало непоколебимую решимость скорее подвергнуться тысяче смертей, чем не сделать карьеры?

Для Жюльена сделать карьеру означало, прежде всего, вырваться из Верьера; он ненавидел свою родину. Все, что он здесь видел, сковывало полет его воображения.

С детства он испытывал моменты экзальтации. Тогда он мечтал с восхищением о том, что однажды он будет представлен прекрасным парижским дамам и сумеет привлечь их внимание каким-нибудь блестящим поступком. Почему бы одна из них не могла полюбить его, подобно тому, как Бонапарта, который был тогда еще беден, полюбила блестящая госпожа де Богарнэ? В течение многих лет не проходило, должно быть, и часа, когда бы

Жюльен не говорил себе, что Бонапарт, неизвестный и бедный офицер, сделался властелином мира благодаря одной своей шпаге. И эта мысль утешала его в несчастьях, казавшихся ему ужасными, и увеличивала радости, выпадавшие ему на долю.

Постройка церкви и приговоры мирового судьи точно вдруг открыли перед ним свет; мысль, которая пришла ему в голову, сделала его почти одержимым на несколько недель и наконец овладела им со всей властностью первой идеи, которую страстная натура считает своим изобретением.

«Когда Бонапарт заставил говорить о себе, Франция опасалась вторжения иноземцев; военная доблесть была тогда необходима и в моде. Теперь сорокалетние священники получают сто тысяч франков жалованья, то есть в три раза больше, чем получали прославленные генералы Наполеона. Им нужны помощники... Вот этот мировой судья такой умный, до сих пор такой честный, уже на старости лет позорит себя из боязни не понравиться молодому тридцатилетнему викарию. Надо стать священником».

Однажды, в разгар своего нового увлечения, когда Жюльен уже два года изучал теологию, он выдал неожиданно для всех пламя, пожиравшее его душу. Это случилось у господина Шелана; на обеде священников, которым добрый старик представил его как чудо знания, он вдруг начал горячо восхвалять Наполеона. Осознав ошибки, он привязал себе правую руку к груди, сказав, что вывихнул ее, переворачивая еловые бревна, и два месяца носил ее в этом неудобном положении. После этого телесного наказания он простил себя. Вот каков был этот восемнадцатилетний юноша, такой хрупкий на вид, что ему едва можно было дать семнадцать лет, входивший с маленьким свертком подмышкой в великолепную верьерскую церковь.

В церкви было темно и пустынно. По случаю праздника все окна здания были завешены пунцовой материей; получался эффект ослепительного света от солнечных лучей, проникавших внутрь... Жюльен затрепетал. Очутившись один в церкви, он уселся на самую красивую скамью. На ней находился герб господина де Реналья.

На скамье Жюльен заметил клочок печатной бумаги, положенный словно для прочтения. Он взглянул на него и увидел: «Описание казни и последних минут Луи Женреля, казненного в Безансоне, сего...»

Бумажка была разорвана. На обороте можно было прочесть два первых слова строки: «первый шаг».

— Кто мог положить эту бумажку сюда? — сказал Жюльен. — Несчастный! — прибавил он со вздохом. — Его имя оканчивается как мое... — И он смял бумажку.

Когда Жюльен выходил, ему показалось, что он видит кровь возле кропильницы: это была пролитая святая вода: отблеск красных занавесей, закрывавших окна, делал ее похожей на кровь.

Наконец Жюльен устыдился своего тайного страха.

— Неужели я трус? — спросил он себя. — К оружию!

Это слово, так часто повторявшееся в рассказах о сражениях отставного лекаря, было для Жюльена символом героизма. Он встал и быстро направился к дому господина де Реналья.

Несмотря на свою решимость, лишь только он увидел этот дом в двадцати шагах, им овладела непобедимая робость. Железная решетка была открыта; она показалась ему великолепной. Надо было войти. Жюльен не был единственным, чье сердце сжималось при входе в этот дом.

Крайне застенчивая госпожа де Реналь смущалась при мысли, что этот чужой человек в силу своих обязанностей будет постоянно находиться между нею и детьми. Она привыкла, чтобы сыновья спали в ее комнате. Утром, увидав их кровати перенесенными в комнату, предназначенную для наставника, она пролила немало слез. И тщетно просила мужа, чтобы кровать Станислава-Ксавье, самого младшего, была снова перенесена в ее комнату.

Женская чувствительность была чрезвычайно развита в госпоже де Реналь. Она представила себе грубое, нечесаное существо, которое будет бранить ее детей исключительно потому, что он знает латынь — варварский язык, за который ее мальчуганов будут сечь.

VI

НЕПРИЯТНОСТЬ

Non so piu cosa son Cosa facio.

*Mozart. Figaro*¹

Госпожа де Реналь, со свойственной ей грацией и живостью, проявлявшихся, если она не чувствовала на себе взглядов мужчин, спускалась из гостиной в сад, когда она заметила у входной

¹ Не знаю, что со мной и что я делаю. *Моцарт. Свадьба Фигаро.*

двери молодого крестьянина, еще почти подростка, чрезвычайно бледного, с заплаканным лицом. Он был в чистой белой рубашке и держал под мышкой опрятную куртку из лиловой шерстяной материи.

Лицо этого юного крестьянина было так бело, глаза так кротки, что из-за романического воображения госпожа де Реналь сначала приняла его за молодую переодетую девушку, пришедшую с какой-нибудь просьбой к господину мэру. Ей стало жаль это бедное существо, стоявшее у входа, очевидно не решаясь дотронуться до звонка. Госпожа де Реналь подошла, на мгновение забыв о том огорчении, которое ей причинял приезд наставника. Жюльен, обернувшийся к двери, не заметил ее приближения. Он вздрогнул, услышав вдруг у самого уха нежный голос:

— Что вам здесь нужно, дитя мое?

Жюльен быстро обернулся и, пораженный полным кротости взглядом госпожи де Реналь, несколько оправился от своего смущения. Затем, пораженный ее красотой, он позабыл все, — даже зачем он пришел сюда. Госпожа де Реналь повторила свой вопрос.

— Я пришел сюда в качестве наставника, сударыня, — сказал он ей наконец, смущенный своими слезами и стараясь их как-нибудь вытереть.

Госпожа де Реналь была изумлена; они стояли, глядя друг другу в глаза. Жюльен никогда не видал, чтобы так прекрасно одетое существо, и в особенности дама с таким ослепительным цветом лица, говорила бы с ним так любезно. Госпожа де Реналь смотрела на крупные слезы, катившиеся по бледным, а теперь порозовевшим щекам молодого крестьянина. Вскоре она начала смеяться с веселостью молодой девушки: она смеялась над самой собою, сама не веря своему счастью. Как, это и был воспитатель, которого она воображала себе в виде грязного обтрепанного священника, который будет бранить и бить ее детей?

— Как, сударь, — спросила она его наконец, — вы знаете латынь?

Слово «сударь» так удивило Жюльена, что он на мгновение задумался.

— Да, сударыня, — отвечал он робко.

Госпожа де Реналь была так счастлива, что решилась спросить Жюльена:

— Вы не будете очень бранить этих бедных детей?

— Бранить их, — ответил удивленный Жюльен, — да за что же?

СОДЕРЖАНИЕ

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Перевод А. Чеботаревской

ЧАСТЬ I

I. Маленький город	7
II. Мэр	10
III. Попечение о бедных	13
IV. Отец и сын	17
V. Переговоры	21
VI. Неприятность	27
VII. Родственные души	34
VIII. Мелкие события	44
IX. Вечер в деревне	51
X. Большое сердце и малое состояние	57
XI. Вечер	60
XII. Путешествие	64
XIII. Ажурные чулки	70
XIV. Английские ножницы	74
XV. Пение петуха	77
XVI. Следующий день	81
XVII. Первый помощник мэра	85
XVIII. Король в Верьере	89
XIX. Думы вызывают страдания	100
XX. Анонимные письма	107
XXI. Диалог с хозяином	111
XXII. Как действовали в 1830 году	123
XXIII. Огорчения чиновника	134
XXIV. Столица	146
XXV. Семинария	152
XXVI. Мир, или То, чего не хватает богачу	158
XXVII. Первый жизненный опыт	167

XXVIII. Процессия	170
XXIX. Первое повышение	176
XXX. Честолюбец	190

ЧАСТЬ II

I. Удовольствия сельской жизни	206
II. Вступление в свет	216
III. Первые шаги	223
IV. Особняк де Ла Моля	226
V. Чувствительность и набожная знатная дама	237
VI. Способ выражения	240
VII. Приступ подагры	246
VIII. Что выделяет человека	254
IX. Бал	263
X. Королева Маргарита	271
XI. Власть молодой девушки	279
XII. Уж не Дантон ли он?	283
XIII. Заговор	288
XIV. Мысли молодой девушки	296
XV. Заговор ли это?	302
XVI. Час пополуночи	306
XVII. Старинная шпага	312
XVIII. Ужасные минуты	316
XIX. Опера-буфф	321
XX. Японская ваза	329
XXI. Секретная нота	335
XXII. Беседа	339
XXIII. Духовенство, леса, свобода	346
XXIV. Страсбург	354
XXV. Ведомство добродетели	360
XXVI. Любовь нравственная	366
XXVII. Наилучшие церковные места	369
XXVIII. Манон Леско	372
XXIX. Скука	376
XXX. Ложа в итальянской опере	379
XXXI. Внушить ей страх	383
XXXII. Тигр	387
XXXIII. Ад слабости	392
XXXIV. Умный человек	397

Содержание

XXXV. Буря	403
XXXVI. Печальные подробности	407
XXXVII. Башня	414
XXXVIII. Могущественный человек	418
XXXIX. Интрига	423
XL. Спокойствие	427
XLI. Суд	431
XLII	437
XLIII	442
XLIV	447
XLV	454

НОВЕЛЛЫ

Ванина Ванини, или Подробности о последней венте карбонариев, раскрытой в Папской области. <i>Перевод Н. Немчиновой</i>	463
Виттория Аккорамбони, герцогиня ди Браччано <i>Перевод Д. Лившиц</i>	486
Герцогиня ди Паллиано. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	509
Любовный напиток. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	530
Федер, или Денежный муж. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	545

Литературно-художественное издание

СТЕНДАЛЬ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Александра Шубика
Корректоры Светлана Федорова, Татьяна Брылева, Ирина Сологуб

Подписано в печать 07.06.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 39. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Y-AMS-16126-02-R